

Александр Стыкалин

Венгерский правый радикализм 1930-х–1940-х годов и некоторые тенденции исторической политики правительства В. Орбана

Аннотация. Следствием поражения Австро-Венгрии в Первой мировой войне и последующего распада не только Дунайской монархии в целом, но и Венгрии в ее исторических границах, явились не только утрата венгерским государством более двух третей своих довоенных территорий, но и сильная компрометация в глазах общественного мнения левых и леволиберальных идей, на которые возлагалась ответственность за понесенное в результате Трианона унижение. Государственной идеологией становится консерватизм с националистической окраской, а с середины 1930-х гг. все более задают тон и приобщаются к власти праворадикальные силы, ориентированные на союз с нацистской Германией. Начавшаяся в 1938 г. при содействии Германии и Италии ревизия Трианонского договора укрепила внутреннюю поддержку прогерманского внешнеполитического вектора. Логическим завершением проделанной режимом эволюции стало установление в марте 1944 г. тоталитарного режима Салаши при поддержке вермахта, оккупировавшего страну. В статье затронуты происходящие в современной Венгрии исторические споры, в которых находит отражение отношение к наследию эпохи Хорти и роли Венгрии во Второй мировой войне. Как отмечает автор, трагедия Холокоста 1944 г. является историческим фактом, который хуже всего вписывается в позитивный образ хортистской Венгрии, формирующийся современной консервативной элитой.

Ключевые слова: Венгрия, Трианонский мирный договор, эпоха Хорти, правый радикализм, нацизм, Вторая мировая война, Холокост, современная историческая политика.

Революция конца октября 1918 г. (т.н. «революция астр») не смогла, свергнув в Венгрии власть Габсбургов, направить развитие страны в русло поступательных демократических реформ. Объективная ситуация не создавала для этого малейших условий в стране, оказавшейся перед вызовом мощнейших центробежных сил. На руинах Габсбургской монархии образуется молодое чехословацкое государство, сразу заявившее претензии на территории Верхней Венгрии, заселенные преимущественно словаками, а затем и на Подкарпатскую Русь (Закарпатскую Украину). В новых границах утверждается Румыния, уже 1 декабря 1918 г. национальное собрание трансильванских румын в Альба-Юлии декларирует присоединение к Румынскому королевству значительных территорий венгерской половины распадавшейся Дунайской империи, на которых преобладали румыны. В результате объединения Сербии и Черногории с бывшими габсбургскими землями создается Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия), оно включает в себя Хорватию (прежде автономию в составе Венгрии, связанную с ней 1000-летними историческими узами), а также южные земли «венгерской короны» с большой долей сербского населения.

Глава провозглашенной уже в ноябре 1918 г. Венгерской республики граф Михай Каройи (последовательный левый либерал по своим убеждениям; см. о нем: Айрапетов, 2013) в течение всей войны проявлял себя как «антантофил» и сторонник разрыва с Германией. Однако при всей его склонности к компромиссу с державами-победительницами новое правительство так и не смогло заручиться их поддержкой в территориальных спорах Венгрии с ее соседями и соответственно не сумело удержать под своей юрисдикцией обширные территории, отошедшие под военный, а затем и под административный контроль соседних гособразований.

Следствием поражения Австро-Венгрии (и Венгрии как неотъемлемой составной части дуалистической имперской конструкции) в Первой мировой войне явилась глубокая экономическая разруха. Трудности с нормализацией хозяйственной жизни усугублялись экономической блокадой со стороны держав Антанты и нарушением товарообмена вследствие оккупации значительной части страны армиями соседних государств. Всё это ослабляло позиции демократического правительства, резко критиковавшегося справа за неспособность сохранить венгерскую государственность в её 1000-летних исторических границах, а слева — за недостаточную радикальность социальных реформ. Столкнувшись с новыми, еще менее приемлемыми для венгерского общественного мнения требованиями военного командования Антанты о демаркации линий размежевания с армиями соседних государств, Каройи 21 марта 1919 г. ушел в отставку, уступив власть более левым силам, попытавшимся по примеру русской революции

установить правление в форме Советов. Продолжавшийся 133 дня коммунистический эксперимент сопровождался, как и в России, левацкими эксцессами. Отпугнув со временем многих людей, первоначально поддержавших новую власть (не только склонную к далеко идущим социальным реформам, но и дававшую вооруженный отпор посягательствам соседей), Венгерская Советская республика в начале августа пала под натиском превосходящих сил румынской армии и внутренней контрреволюции. Ей на смену пришел режим, на четверть века отодвинувший перспективу коренной демократизации политической системы.

Попытки низвергнутого императора (и венгерского короля) Карла Габсбурга путем вооруженного путча в расчете на поддержку своих немалочисленных сторонников вновь овладеть венгерским тронem, тем самым хотя бы отчасти компенсировав утраты, понесенные в результате распада огромной империи, были пресечены в 1921 г., а сама династия Габсбургов законодательным путем лишена прав на венгерский престол. Венгрия оставалась монархией без монарха, в качестве регента с 1920 г. и до октября 1944 г. функции главы государства выполнял адмирал Миклош Хорти, в прошлом последний командующий военно-морским флотом Австро-Венгрии¹.

Внешнеполитические рамки для любых венгерских правительств установил Трианонский мирный договор, подписанный 4 июня 1920 г. и определивший статус Венгрии в формирующейся Версальской системе. В соответствии с договором Венгрия лишалась значительной части своих исторических земель, ее территория в сравнении с территорией венгерской половины Габсбургской монархии сократилась примерно в три с половиной раза, с 325 до 93 тыс. кв. км. Без малого в три раза уменьшилась численность населения. При этом наряду с землями, где основное ядро населения составляли прежние национальные меньшинства — хорваты, сербы, румыны, словаки, украинцы, к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием венгерского этноса: вследствие ревизии

1 Правоавторитарный режим в Венгрии в том виде, в каком он был установлен в конце 1919–1920-м гг., имел некоторые типологические черты, сближающие его с контрреволюционными белогвардейскими диктатурами, возникавшими в условиях гражданской войны на пространстве распадавшейся Российской империи. Не удивительно, что многие белогвардейские генералы, включая А.И. Деникина, прожившего в период эмиграции несколько лет на Балатоне, довольно уважительно относились к адмиралу Хорти, видя в его режиме образец победоносной антибольшевистской диктатуры. Из литературы о жизни А.И. Деникина в Венгрии см.: (Петрушева, 2012). Вообще, размышляя над эволюцией режима Хорти в 1920-е гг., можно задуматься над тем, какую внутривнутриполитическую эволюцию претерпели бы отечественные белогвардейские диктатуры, если бы история отпустила им больше времени для реализации.

границ около 3 млн венгров оказалось за пределами своего титульного государства. С момента заключения договора стремление к его пересмотру становится внешнеполитической стратегией всех венгерских правительств (как более умеренных, так и более радикальных) и вообще чаянием всех легально действовавших политических сил, включая либеральные². Правда, тактика менялась в зависимости от ситуации. Надо было искать пути выхода из внешнеполитической изоляции³, существовала и естественная заинтересованность в хотя бы частичном восстановлении традиционных экономических связей с теми странами, с которыми Венгрия составляла в эпоху Габсбургов единое экономическое целое. Поэтому, не отказываясь от своих ирредентистских, ревизионистских целей, хортистские правительства не всегда эти цели ставили во главу угла своей политики, считая их выдвижение, их постановку в повестку дня иногда несвоевременными и выжидая более удобного момента. Если же говорить о внутривнутриполитическом аспекте, то трианонский фактор имел огромное консолидирующее для нации значение: поистине, на Трианонский договор и связанные с ним национальные унижения довольно легко можно было списывать все изъяды режима, начиная от коррупции и кончая притеснением оппозиции.

Официальная идеология режима Хорти в 1920-е гг. (т.н. христианско-национальная идеология) носила ярко выраженный консервативный характер не только с националистическим, но и с христианским оттенком. Она подчеркивала свою преемственность консервативным идейным течениям периода австро-венгерского дуализма (1867–1918 гг.), отмежевываясь в то же время от либеральных политико-идеологических традиций той эпохи. Как консервативная в своей основе доктрина, она имела мало общего с более поздними праворадикальными идеями (см. подробно: Стыкалин, 1994). Политическая система эпохи Хорти, сформировавшаяся в 1920-е гг., также сохраняла определенную преемственность системе времен австро-венгерского дуализма, правда при дистанцировании от тех либеральных тенденций во внутренней политике, на которые вся официальная пропаганда при поддержке значительной части общественного мнения возлагала ответственность за Трианон. Значительному сдвигу вправо при частичном восстановлении прежних, дореволюционных государственных институций способствовало то обстоятельство, что большинство заметных политиков и интеллектуалов левых и леволибе-

2 О Трианонском мирном договоре и его последствиях как для Венгрии, так и в международном плане см.: (Кимура, Стыкалин, 2017; Зейдлер, 2019).

3 Первой страной, заключившей с хортистской Венгрией союзнический договор, стала муссолиниевская Италия в 1927 г.

ральных взглядов оказывается после 1919 г. в эмиграции. Весьма велика была в межвоенной Венгрии роль исторических церквей (католической и кальвинистской) как политического института; церкви сохраняли свое влияние и в 1930-е гг., когда внутривластный режим претерпел эволюцию вправо. В парламенте были представлены и оппозиционные партии, либеральные и крестьянские. Вследствие договоренности с властями с 1922 г. могла легально функционировать и социал-демократическая партия, хотя и при соблюдении ряда условий (поддержка внешней политики режима, запрещение агитации в крестьянской среде).

Немалое внимание правительством графа Иштвана Бетлена (премьер-министра в 1921–1931 гг., с именем и деятельностью которого была связана т.н. «бетленовская консолидация» хортистского режима на консервативной платформе) уделялось социальной политике, причем консервативные венгерские власти, заботившиеся о расширении социальной базы своего режима, должны были среди прочего учитывать и память венгров о мерах в этой области, предпринятых в период Венгерской советской республики. Конечно, экономический кризис 1929 г. нанес сильнейший удар по всем проектам в области социальной политики (как и по масштабным планам элитарного культурного строительства, разработанным бессменным министром культуры графом К. Клебельсбергом) и способствовал формированию новой политической атмосферы, питательной для возникновения (в том числе и в рамках проправительственной партии) иных политических течений, делавших ставку на чистый популизм и демагогию. Это в полной мере проявилось уже в бытность премьер-министром в 1932–1936 гг. Дюлы Гёмбёша, выходца из среднепоместного дворянства, отставного офицера, выступившего в 1919–1920 гг. одним из инициаторов акций «белого» террора (хотя изначально они были направлены против активных участников Венгерской советской республики, их жертвами становились и люди, не имевшие прямого отношения к тем событиям, это касалось, в частности, евреев; антисемитская составляющая «белого» террора, предвосхитившая преследования в Венгрии евреев в конце 1930-х — начале 1940-х гг., была весьма велика). В идеологическом плане Гёмбёш испытывал влияние идей государственного корпоративизма в их современном ему итальянско-муссолиниевском варианте и пытался реализовать их на практике в политической жизни своей страны. В его внешней политике явно обозначился прогерманский крен: Гёмбёш был первым лидером европейского государства, который встречался по своей инициативе с Гитлером после того, как тот пришел к власти в Германии.

При всём усилении с середины 1930-х гг. в венгерской политике праворадикальных тенденций существовавшая политическая система

ставила определенные рамки для функционирования не только либеральной, но поначалу и для крайне правой оппозиции: в частности, нилашисты (члены партии скрещенных стрел, возглавляемые Ф. Саллаши) неоднократно преследовались за попытки дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку. Постепенно, однако, консервативный контрреволюционный режим 1920-х гг. все более отчетливо претерпевает эволюцию в направлении правого радикализма, крайне правые партии, однозначно ориентированные на союз с нацистской Германией, приближаются к власти, а с другой стороны — все более жесткие препятствия ставятся на пути нормального функционирования либеральной (как правило, пробританской) оппозиции, особенно со вступлением Венгрии в начале апреля 1941 г. во Вторую мировую войну. Тем не менее, в элите режима Хорти вплоть до марта 1944 г. сосуществовали два крыла и во главе правительств стояли как более традиционные консерваторы, так и политики скорее праворадикального толка. Первые, насколько это было возможно, пытались лавировать между нацистской Германией и западными демократиями. К ним относились граф П. Телеки, застрелившийся в апреле 1941 г., когда вопреки его воле Венгрия была вынуждена подключиться к антиюгославской кампании вермахта (и тем самым вступила в мировую войну), а также М. Каллаи, который после поражения вермахта под Сталинградом и разгрома венгерской армии на Дону зимой 1943 г. стал искать возможности разрыва с «Третьим рейхом». К прогерманскому крылу, теснее связанному с собственными праворадикальными политическими силами, тяготели премьеры Б. Имреди, а также Л. Бардошши, при котором Венгрия в конце июня 1941 г. объявила войну СССР.

Усиление праворадикальной составляющей в венгерской политике нашло проявление в росте государственного антисемитизма. В конце 1930-х гг. под давлением не только нацистской Германии, но и собственных, всё более влиятельных крайне правых сил (и при поддержке части общественного мнения) правительство встало на путь законодательной дискриминации евреев. Первый закон, призванный ограничить активность венгерских евреев в экономической и общественной жизни, был принят в мае 1938 г. Согласно этому закону, среди госслужащих, а также лиц, занятых в качестве врачей, адвокатов, журналистов, инженеров, представителей некоторых других профессий, и зарегистрированных в соответствующих профессиональных организациях (в том числе коллегиях и гильдиях, объединяющих лиц свободного труда), евреи по вероисповеданию не должны были превышать 20% (Magyarország zsidótörvények, 1997). Согласно второму, гораздо более жесткому, абсолютно дискриминационному антиеврейскому закону, внесенному правительством Б. Имреди в декабре 1938 г. и утвержденному в апреле

1939 г., евреи теперь не могли получить венгерское гражданство, могли быть лишены гражданства решением МВД, если получили его после 1 июля 1914 г. Они лишались отныне права быть госслужащими, в том числе на местном уровне, им запрещалось становиться редакторами газет и издателями, стоять во главе театров и кинотеатров. Среди членов коллегии адвокатов, гильдии актеров, профессиональных организаций врачей и инженеров евреи могли теперь составлять не более 6%. Доля евреев среди имеющих разрешение на частное предпринимательство не должна была теперь превысить 12%. Евреи также отныне не имели возможности получить разрешение на предпринимательскую инициативу, которая предоставляла бы им монополию в своей сфере деятельности. Согласно второму закону (в отличие от первого), к евреям относили не только иудеев, но и тех, у кого отец или мать (либо двое из 4 бабушек и дедушек) принадлежали к иудейскому вероисповеданию (Magyarországi zsidótörvények, 1997). В дальнейшем хортистские правительства шли по пути еще большего ужесточения антиеврейского законодательства: закон, принятый в августе 1941 г., запрещал браки иудеев и христиан. Все больше расширяя круг своего действия, антисемитские законы загоняли в состояние полной дискриминации десятки тысяч уже к тому времени абсолютно ассимилированных и тем острее ощутивших теперь свою отверженность евреев.

В принятии антиеврейских законов проявилось все большее усиление влияния «Третьего рейха» на венгерскую внутреннюю политику. Начавшаяся осенью 1938 г. ревизия Трианонского договора и особенно Второй венский арбитраж (август 1940 г.), в соответствии с которым Венгрии удалось заполучить обратно Северную Трансильванию, хотя и не удовлетворили в полной мере территориальные амбиции хортистов, всё же внушили многим гражданам страны иллюзию того, что дальнейший успех курса на пересмотр унижительного для нации мирного договора будет в сложившихся условиях зависеть прежде всего от поддержки Берлина. Тем самым лишь возрастали прогерманские ориентации не только политической элиты, но и значительной части общественного мнения. Крайне правая политика могла, таким образом, опереться на немалую поддержку снизу. С другой стороны — против введения антисемитских законов выступали не только политические круги либерального толка, но и пробританское крыло хортистской политической элиты во главе с бывшим премьер-министром графом Иштваном Бетленом, не изменившим своим идеалам последовательного традиционного консерватора.

Установление в Венгрии крайне правой диктатуры произошло с германской оккупацией 19 марта 1944 г., вслед за которой последовала трагедия Холокоста. Решающая роль внешнего фактора (сначала давления

со стороны Берлина, а затем и прямой оккупации страны вермахтом) вместе с тем нисколько не умаляет ответственности режима Хорти ни за вступление Венгрии в войну на стороне нацистской Германии, ни за деяния венгерских солдат на оккупированной территории СССР, ни за антисемитские законы конца 1930-х — начала 1940-х гг.

Как одно из заметных, имевших широкий международный резонанс событий в новейшей венгерской истории, Холокост 1944 г. продолжает оставаться в центре общественного внимания в ходе непрекращающихся в сегодняшней Венгрии войн исторической памяти. Это особенно отчетливо проявилось в 2014 г., когда не только в Венгрии, но и далеко за ее пределами, широко отмечалось 70-летие тех трагических событий (в Венгрии этот год тоже был объявлен Годом памяти Холокоста). Оценки и трактовки тех событий в СМИ отразили текущее состояние исторической памяти на разных флангах венгерской общественно-политической жизни. Для донесения до широкой публики определенных (и прежде всего поддержанных властями) исторических концепций использовались и художественные средства монументального искусства. Так, на одной из будапештских площадей был установлен памятник, воплотивший в себе в художественной форме некоторые весьма характерные черты официальной концепции исторической памяти. Хортистская Венгрия вопреки своему активному участию во Второй мировой войне на стороне «Третьего рейха» была изображена в ангельском облике в виде невинной жертвы, подвергшейся нападению более сильного хищника. Это явно вступало в противоречие с исторической правдой и не могло не вызвать острой полемики со стороны либеральных и левых историков и политиков, которые указывали на моральную неприемлемость той позиции, когда жертвы ставятся на одну доску с их убийцами; остро критиковались попытки почти полностью снять ответственность за Холокост с тогдашнего венгерского крайне правого правительства Д. Стояи, всецело переложив ее на вермахт и германские спецслужбы. Приходилось напоминать о том, что в акциях по депортации венгерских евреев не только в Аушвиц, но и в пределы большого будапештского гетто, где были сосредоточены десятки тысяч человек, по большей части спасенных в результате освобождения Будапешта Красной Армией зимой 1945 г., непосредственно участвовали многие тысячи венгерских полицейских, чиновников местных органов власти, военнослужащих. Кроме того, немалая часть общественного мнения, ожидая от передела «еврейской собственности» снижения цен на продукты, а иногда и приобретения материального имущества, взирала весьма бесстрастно на творимые грубейшие беззакония.

При этом, как отмечалось в ходе дискуссий, речь идет не просто об искажении историками отдельных фактов (весьма существенных), замал-

чивании и нарушении пропорций, а о ложном нарративе в целом, создающем у многих венгров довольно отстраненное представление о Холокосте 1944 г. как о феномене, хотя и привязанном территориально к Венгрии, но относящемся не столько к национальной венгерской, сколько к еврейской истории (!) — и это несмотря на то, что подавляющее большинство евреев было хорошо ассимилировано в венгерскую культуру и внесло в нее немалый вклад (Стыкалин, 2009). Тем более как эпизод «чужой», невенгерской истории преподносилась трагедия с депортацией хортистами уже летом 1941 г. в угоду Гитлеру десятков тысяч евреев, бежавших в Венгрию из Польши, на территорию Украины, где большинство из них было расстреляно. Искажение оптики нашло проявление не только в выступлениях многих СМИ, но и сказалось на школьных учебных пособиях, поддержанных правительством В. Орбана. Идеализация хортистской эпохи и режима проявляется также в замалчивании историками, близкими к власти, подлинного значения той массивной и направлявшейся сверху антисемитской кампании, которая предшествовала Холокосту и по сути увенчала его, создав предпосылки (в том числе социально-психологические) для столь радикального решения «еврейского вопроса» весной-летом 1944 г. (речь идет о вышеупомянутой серии законов конца 1930-х — начала 1940-х гг., все более ограничивавших позиции евреев в экономике и общественной жизни).

Трудности, стоящие перед историками при вынесении оценок, вполне понятны тем, кто имеет представление о доминирующей в Венгрии и поддерживаемой на официальном уровне исторической политике — трагедия Холокоста слишком плохо вписывается в идеализируемый правым правительством страны образ предшествующей, более чем 20-летней хортистской эпохи. Одна из характерных черт исторической политики заключается в явном принижении роли собственных крайне правых сил в преступлениях, совершавшихся на венгерской территории во время Второй мировой войны: все негативы той эпохи объясняются прежде всего давлением нацистской Германии. То же самое касается и участия венгерских солдат в карательных акциях на оккупированной советской территории (Realpolitik, 2019).

Разумеется, войны исторической памяти в сегодняшней Венгрии не ограничиваются Холокостом и отношением к наследию эпохи Хорти, они происходят и на других полях (Дьяни, 2018). Абсолютному отрицанию подвергается демократическая революция осени 1918 г. как проложившая дорогу последующему коммунистическому эксперименту (Венгерская советская республика 1919 г.), а затем и унижительному для Венгрии Трианонскому мирному договору 1920 г. «Смена вех» в оценке традиций 1918 г. очень рельефно проявилась и на уровне монументальной пропа-

ганды. Поставленный еще при Я. Кадаре, в 1975 г. близ здания венгерского парламента памятник первому премьер-министру, а затем президенту республиканской Венгрии 1918–1919 гг. Михаю Каройи (один из шедевров выдающегося скульптора Имре Варги) был в 2012 г. удален, а на его месте через два года возведен монумент его антиподу и непримиримому политическому противнику графу Иштвану Тисе, крупному венгерскому консервативному политику начала XX в., члену узкого руководства Австро-Венгрии в момент ее вступления в Первую мировую войну, погибшему в день революции 30 октября 1918 г. в перестрелке с революционными солдатами, попытавшимися захватить его будапештский особняк.

С усилением правого дискурса в трактовках новейшей венгерской истории связан также эпизод с переносом памятника видному деятелю революции 1956 г. Имре Надю (замечательной скульптурной композиции) с площади перед Парламентом в гораздо менее заметное место. Политик явно левый, реформ-коммунистического направления, хотя судьба его оказалась поистине трагической (Райнер, 2006), оказался явно не в чести у нынешней правой венгерской элиты. Речь идет, как и в других случаях, о консервативно-националистическом вызове, адресованном прежде всего либеральной идейно-политической традиции. Как ответит на эти вызовы венгерская либеральная интеллигенция, покажет будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Magyarország zsidótörvények és rendeletek, 1938–1945. (1997). Budapest: Polgár.
- Realpolitik или проявление морального релятивизма? Субъективные заметки о стратегическом партнерстве России с орбановской Венгрией, героизирующей подвиги своих солдат на восточном фронте. Сайт «Историческая экспертиза». (15.01.2019). URL: <https://istorex.ru/uRubrics/show/54> (дата обращения: 20.12.2020).
- Айрапетов А.Г. (2013). «Красный граф» Каройи — первый президент Венгрии // Новая и новейшая история. № 3. С. 166–176.
- Дьяни Г. (2018). «При узконациональном взгляде на историю у нас не будет шансов достичь консенсуса». Интервью с венгерским историком академиком Г. Дьяни // Историческая экспертиза. № 2. С. 82–89.
- Зейдлер М. (2019). Трианонский мирный договор 1920 г. Взгляд современной венгерской историографии // Историческая экспертиза. № 2. С. 133–157.
- Кимура К., Стыкалин А.С. (2017). Трианонский мирный договор 1920 г. и его последствия для системы международных отношений в Центральной Европе // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 5. Парижская мирная конференция, 1919–1920: Взгляд из XXI века / отв. редакторы Ар.А. Улунян, Е.Ю. Сергеев. М.: Институт всеобщей истории РАН. С. 181–199.
- Петрушева Л.И. (2012). «... Судя по первым впечатлениям, внешним, по крайней мере, много общего с довоенной Россией» (Генерал А.И. Деникин в Венгрии. 1922–1925 гг.) // Российская белая эмиграция в Венгрии (1920 — 1940-е гг.) / отв. редакторы Е.-М. Варга, А.С. Стыкалин. М.: Институт славяноведения РАН. С. 83–100.

- Райнер М. Янош (2006). Имре Надь, премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М.: Логос.
- Стыкалин А.С. (1994). Хортистский режим и идея возрождения Венгрии в 1920–1930-е годы // Славяноведение. № 6. С. 19–31.
- Стыкалин А.С. (2009). К вопросу о роли еврейской буржуазии в модернизации Венгрии и эволюции отношения властей и общественного мнения к еврейскому вопросу (1900–1940-е годы) // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX в.) / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб.: Алетейя. С. 218–232.

REFERENCES

- Airapetov, A.G. (2013). “Krasnyi graf” Karolyi — pervyi president Vengrii [“Red Count” Károlyi — the First president of Hungary], in: Voprosy istorii [Questions of History]. № 3. pp. 166–176.
- Gyáni, G. (2018). “Pri uzkonacjonalnom vzglyade na istoriyu u nas ne budet shansov dostichy konsensusa” [“Narrow Nationally Oriented View on History Will not Give us a Chance to Reach Consensus”]. Interview with the member of the Hungarian Academy of Sciences historian Gábor Gyáni, in: Istoricheskaya ekspertiza [Historical expertise]. № 2. pp. 82–89.
- Kimura, K., Stykalin, A.S. (2017). Trianonskii mirnyi dogovor 1920 g. i ego posledstviya dlya sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii v Czentralnoi Evrope [The Trianon Peace Treaty of 1920 and its Consequences for the System of International Relations in the Central Europe], in: Ulunyan Ar.A., Sergeev E.Yu. (eds.) .Evropeiskie sravnitelno-istoricheskie issledovaniya. Vyp. 5. Parizhskaya mirnaya konferenciya, 1919–1920: Vzglyad iz XXI veka [The European Comparative Historical Studies. Vol. 5. The Peace Treaty of Paris, 1919–1920: View from XXI Century]. Moscow : Institut vseobschei istorii RAN. pp. 181–199.
- Magyarországi zsidótörvények és rendeletek, 1938–1945. (1997). [Hungarian Laws and Regulations Concerning Jews]. Budapest : Polgár.
- Petrusheva, L.I. (2012). “...Sudya po pervim vpechatleniyam, vneshnim, po krainei mere, mnogo obshego” (General A.I. Denikin v Vengrii. 1922–1925 gg.) [Judging by the First, at least External Impressions, there is a lot of Similarity with Russia before the War (General A.I. Denikin in Hunagary, 1922–1925)], in: Varga E.M., Stykalin A.S. (eds.) Rossiiskaya belaya emigratsiya v Vengrii. 1922–1925 gg. [Russian White Emigration in Hungary, 1920s–1940s]. Moscow : Institut slavyanovedeniya RAN. pp. 83–100.
- Rainer, J.M. (2006). Imre Nagy, premier-ministr vengerskoi revoluczii 1956 goda. Politicheskaya biografiya [Imre Nagy, the Prime Minister of the Hungarian revolution of 1956. The Political Biography]. Moscow : Logos.
- Realpolitik ili proyavlenie moralnogo relyativizma? Subektivnye zametki o strategicheskom partnerstve s orbanovskoi Vengriei, geroiziruyushei podvigi svoih soldat na vostochnom fronte [Realpolitik or a Manifestation of Moral Relativism? Subjective Notes on the Strategic Partnership with Orbán’s Hungary, Heroizing the Exploits of its Soldiers on the Eastern Front]. website Istoricheskaya ekspertiza. 15.01.2019. Available at: <https://istorex.ru/uRubrics/show/54> (accessed 20.12.2020).
- Stykalin, A.S. (1994). Hortistskii rezhim I ideya vrozozhdeniya Vengrii v 1920–1930-e gody [Horthy’s Regime and the Idea of Regeneration of Hungary in 1920s–1930s], in: Slavyanovedenie [Slavic studies]. № 6. pp. 19–31.
- Stykalin, A.S. (2009). K voprosu o roli evreiskoi burzhuazii v modernizaczii Vengrii i evoluczii otnosheniya vlastei i obschestvennogo mneniya k evreiskomu voprosu (1900–1940-e gody) [On the role of the Jewish Bourgeoisie in the Modernization of Hungary and the Evolution of the

View of Power and Public Opinion on the Jewish Question, 1900s–1940s], in: Grishina, R.P. (ed.) *Chelovek na Balkanah. Vlasty i Obschestvo: Opyt Vzaimodeistviya (konec XIX — nachalo XX v.)* [Homo Balcanicus. Power and Society: Interaction Experience (the end of XIX — the beginning of XX century)]. St. Petersburg : Aleteia. pp. 218–232.

Zeidler, M. (2019). *Trianonskii mirnyi dogovor 1920 g. Vzgl'yad sovremennoi vengerskoi istoriografii* [The Peace Treaty of Trianon, 1920. The View of Contemporary Hungarian Historiography], in: *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise]. № 2. pp. 133–157.

The Hungarian Right Radicalism of 1930s–1940s and Some Trends of the Historical Policy of Viktor Orbán's Government

Author. Alexander Stykalin, Candidate of Science (History), Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS. **E-mail:** zhurslav@gmail.com

Abstract. The defeat of Austria-Hungary in the First World War and the subsequent disintegration of not only the Danube monarchy as a whole, but also of Hungary within its historical borders, resulted not only in the loss by the Hungarian state of more than two-thirds of its pre-war territories, but also in a strong discredit of the left and left-liberal ideas in the eyes of public opinion, because they were held responsible for the humiliation suffered as a result of the Trianon. Conservatism with a nationalist connotation became the state ideology, and since the mid-1930s, the right-wing radical forces oriented towards an alliance with Nazi Germany increasingly set the tone and joined power. The revision of the Trianon Treaty, which began in 1938 with the assistance of Germany and Italy, strengthened internal support for the pro-German foreign policy vector. The logical conclusion of the evolution carried out by the regime was the establishment in March 1944 of the totalitarian regime of Szálasi with the support of the Wehrmacht, which occupied the country. The article touches upon the historical disputes taking place in contemporary Hungary, which reflect the attitude to the heritage of the Horthy era and the role of Hungary in the Second World War. It also mentions the tragedy of the Holocaust of 1944 – the historical fact that fits worst of all with the positive image of Horthy' Hungary, which is being formed by the modern conservative elite.

Key words: Hungary, Trianon Peace Treaty, Horthy era, right-wing radicalism, Nazism, World War II, Holocaust, contemporary historical politics.